

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. БЕБЛЕР профессор факультета социологии Университета Любляны (Словения)
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- А. ИРАВАНИ директор Центра исламских и ближневосточных исследований (Вашингтон, США), доктор философии
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета им. Л. Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- К. Б. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- Д. В. МОСЯКОВ руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. П. НАЗАРЕТЯН главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. делла САЛА адъюнкт-профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия)
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- М. ФАЙЕТТА Генеральный консул Швейцарии в Санкт-Петербурге
- Е. В. ХАРИТОНОВА старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
- А. Б. ЦИНКЕР директор Института стран СНГ и Восточной Европы, заместитель председателя Координационного совета организаций российских соотечественников (Израиль), доктор философии
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. эль-ШЕЙХ профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета иностранных дел
- Я. Г. ШЕМЯКИН главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук

Г. М. ГАТИЛОВ: — Дорогие друзья, рад вас приветствовать на нашей секции. Прежде чем мы перейдем к обсуждению темы, вынесенной в название секции, я хотел бы предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Многие средства массовой информации просили нас об аккредитации журналистов на данной секции, но мы решили, что этого делать не стоит. Для нас важно, чтобы ученые могли здесь свободно обсуждать различные проблемы и обмениваться мнениями. Понятно, что все мы граждане разных стран и думаем в первую очередь об интересах своего отечества. Но в то же время мы представители научного мира, заинтересованные в обстоятельной дискуссии без эффектных жестов и политических заявлений. Наша задача — искать точки соприкосновения, потому что налицо тревожные приметы того, что мир не просто возвращается к холодной войне, но может скатиться и к «горячей». Особенно опасно, что во всех сложных ситуациях, которые возникают в мире, участвуют и ядерные державы или те, что вплотную приблизились к обладанию ядерным оружием. Никто из нас не хочет возвращения былого противостояния и рисков, поэтому я призываю вас к обстоятельной и доброжелательной дискуссии, уважительному отношению к разным точкам зрения, чтобы в этом зале прозвучал не набор монологов, а полноценный и содержательный диалог.

Мы видим, например, как затруднительно сегодня вести диалог целому ряду государств. В частности, сложные отношения сформировались между Россией и странами Запада, Израилем и странами арабского мира, да и внутри арабского мира между его представителями. Мне думается, что в рамках нашей дискуссии необходимо преодолевать эти противоречия, показывать пример того, как научный мир может соответствовать требованиям времени, спокойно и корректно обсуждать сложности сегодняшней жизни. Если мы, ученые, сможем это продемонстрировать, то, наверно, и политикам будет легче договариваться. При всем разнообразии наших мнений я хотел бы выразить удовлетворенность тем, как корректно прошел вчера наш диалог. Думаю, что мы и дальше будем следовать этой линии.

Будучи ректором петербургского университета, хочу сказать, что мы в Университете намерены продолжить традицию, которая всегда была важна для России, — уважение к различным религиям и конфессиям. В Петербурге есть храмы всех ведущих традиционных религий мира. Здесь нашлось место и для мечетей, и для синагог, и для католических храмов, и для протестантских. И, конечно, здесь всегда есть место для различных научных идей тех ученых, которые уважительно относятся к своим коллегам. От себя лично скажу, что наш Университет всегда в вашем распоряжении, не только во время Лихачевских чтений, но и в любое другое время. Если вы приедете в Россию и вам захочется заехать в Петербург, мы всегда с радостью примем вас и будем счастливы, если кто-то из вас захочет прочитать лекции нашим студентам. И, разумеется, мы будем ждать вас

в мае следующего года на XVI Лихачевских чтениях, приуроченных к дням славянской письменности и культуры. Это наша традиция. Благодарю вас!

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо, Александр Сергеевич, за Ваше напутствие. У нас, как Вы верно сказали, очень представительная секция, поэтому, думаю, состоится действительно интересный разговор.

Рассматриваемая тема затрагивает вопросы, которые вызывают оживленные дискуссии на международных площадках. В наше время все отчетливее проявляются признаки конкуренции между различными цивилизационными и культурными традициями. Представители некоторых из них пытаются свою, с их точки зрения, привлекательную цивилизационную оболочку распространить на весь мир, я бы даже сказал, навязать свои принципы и понятия и таким образом создать ситуацию, когда остальные страны шли бы в том русле, которое им предлагается. Но такие действия, с нашей точки зрения, способны лишь обострить межкультурные и межрелигиозные противоречия, повышают риски конфликтов на почве культурной идентичности и в целом подрывают усилия по формированию устойчивой системы глобального развития. Мы помним, как несколько лет назад Соединенные Штаты Америки вознамерились демократизировать Ближний Восток и привнести туда свои ценности. И сейчас мы видим, что там на самом деле происходит в результате таких подходов.

В связи с этим назрела необходимость выработки единых правил поведения на международной арене. Требуется также уважать уже существующие правила, прежде всего те, которые закреплены в Уставе ООН и других международно-правовых документах глобального характера. 70 лет назад, создавая ООН, ее отцы-основатели мечтали об организации, которая бы объединила все народы, стала своего рода опорной конструкцией межгосударственных отношений, равноправного сотрудничества и диалога в интересах всех государств и обладала необходимыми полномочиями для адекватного реагирования на все многообразие рисков и угроз.

Одно из достоинств Организации Объединенных Наций заключается в том, что государства способны опираться на согласованные нормы поведения, договариваться о совместном реагировании на угрозы глобальной безопасности. Но так было не всегда и, к сожалению, в последние годы мы все чаще от этого отступаем. Формула «делаю, что хочу» нередко берет верх. В результате возникают двойные стандарты, в частности государственный переворот на Украине считается нормальным делом. А такие же события в Йемене, вынудившие президента покинуть страну, — это плохо, президента надо вернуть. Похоже, что происходит нарастающая эрозия международного права и международных отношений в целом.

Независимо от того, какие полезные решения принимаются мировым сообществом, между ними и реальной жизнью находится барьер политической целесообразности и геополитических интересов. Мы должны помнить, что подобных барьеров часто попросту

не существует у террористических группировок, которые действуют вне всяких правовых рамок. Все это добавляет серьезный негативный элемент в ситуацию, складывающуюся на международной арене.

Считаю, что необходимо доводить до людей в своих обществах ту точку зрения, которую они объективно не смогут получить через свои средства массовой информации или получают ее в предельно предвзятом виде. Об этом, кстати, вчера достаточно интересно говорил Михаил Соломонович Гусман. Что касается нас, то мы готовы к открытому и транспарентному диалогу, а если потребуется, то и к борьбе идей. Важно, чтобы и в западных обществах не создавалось препятствий в информировании граждан об альтернативных точках зрения. А мы знаем, что такие случаи там имеют место.

Большую роль в предупреждении конфликтов, особенно на почве культурной и религиозной идентичности, могут сыграть и религиозные деятели. Мы поддерживаем инициативы христианских и мусульманских лидеров в регионе Ближнего Востока, направленные на то, чтобы единым фронтом выступить против попыток экстремистов любых мастей осквернить и извратить высокие нравственные принципы мировых религий. Общий моральный знаменатель, всегда существовавший в них, востребован сегодня в вопросах мировой политики и международных отношений. Он играет роль компаса, своего рода ориентира, с которым сверяют действия те, кто принимает политические решения.

У нас в России есть поговорка «Не в силе Бог, а в правде». Значение этих слов в своей повседневной жизни мы ощущаем постоянно. Некоторое время назад в российском экспертном политологическом и религиозном сообществе обсуждалась идея концепции привнесения в современные международные отношения вектора моральных ценностей, справедливости и правды.

Нравственность и внешняя политика — понятия не просто совместимые, но идущие рука об руку. Крайне важно, чтобы проблемы, с которыми сталкивается современный мир, решались на основе справедливости, поскольку, как только утрачивается нравственность, возникает несправедливость, появляются идеи, которые не способствуют решению проблем, а, наоборот, загоняют их вглубь. Укрепление нравственного основания международных отношений мы рассматриваем в качестве части большой политики.

Еще важны такие подходы, как толерантность и терпимость, об этом тоже вчера говорилось в ходе пленарного заседания. Они буквально выстраданы непростой российской историей. Без них наша многонациональная и многоконфессиональная страна не смогла бы достичь гармонии между представителями многочисленных народов и этносов, культурных и религиозных традиций. Необходимым условием поступательного развития, да и самого существования нашей страны было постоянное созидание межкультурного согласия на основе толерантности. Именно этим обусловлена та особая роль, которую Россия может сыграть в наши дни в деле сопряжения инте-

ресов всех государств независимо от их культурно-цивилизационных различий, что, собственно, и является ключевым фактором решения острых проблем современности.

Уважаемые коллеги, в ходе нашей дискуссии будет предоставлено слово всем, кто пожелает принять в этом участие. Уже есть первый желающий выступить — господин Аноп Погосович Назаретян. Пожалуйста.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Несколько дней назад в Государственном астрономическом институте им. П. К. Штернберга состоялась встреча ученых разных специальностей — физиков, астрономов, антропологов, психологов. Одним из вопросов была подготовка обращения ученых к политикам. В основу этого обращения положены два обстоятельства. Во-первых, серии расчетов, проведенных независимо друг от друга учеными в разных странах — Австралии, России, США — показали, что примерно в середине XXI века наступит так называемая точка сингулярности. Это фазовый переход в эволюции Земли, не имеющий прецедента не только в истории человечества, но и в истории эволюции биосферы. Произойдет либо обвал (начало нисходящей ветви), либо прорыв в какую-то новую запланетарную космическую стадию развития.

Во-вторых, в последние два года обнаружен целый ряд планет во Вселенной, в том числе и в нашей Галактике, очень похожих на Землю по всем параметрам. Уже почти полвека идет интенсивный поиск признаков деятельности внеземных цивилизаций во Вселенной. Но остается в силе так называемый парадокс Ферми «Молчание космоса», которое формулируется в виде вопроса: «А где они?». Потому что никаких признаков активности, хотя бы косвенных, не было. Но в последнее время усиливаются косвенные аргументы в пользу того, что все планетарные очаги цивилизаций рано или поздно угасают — либо на стадии биосферы, либо на стадии, сопоставимой с тем, что мы называем антропосферой. Они не выдерживают развития технологий и рано или поздно себя уничтожают.

Мы знаем, что наша цивилизация уже неоднократно находилась на грани самоуничтожения, последний раз около полувека тому назад. Сейчас, в XXI веке, не нужна война для того, чтобы цивилизация сама себя истребила. Есть масса других способов. В частности, мы вернулись в ситуацию древнего каменного века, когда размыта грань между войной и миром, между оружием и другими технологиями. Непонятно, что страшнее по разрушительной силе — танк или современный навороченный компьютер. Великий английский поэт Элиот писал: «именно так и кончается мир — не взрывом, а всхлипом». Если в XX веке мир мог закончиться взрывом, то теперь, в век «знаний массового поражения», история планетарной цивилизации может завершиться всхлипом. К сожалению, политики этого не осознают. Сейчас в Центре мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения мы готовим некоторые предложения для российского правительства по поводу того, как изменить акценты внешнеполитической деятельности, чтобы она стала

более эффективной. Те политики, которые первыми сумеют отрешиться от личных, партийных и национальных амбиций и выйти на задачу сохранения и восстановления устойчивости глобальной геополитической системы, получат большие преимущества и в актуальном, и в перспективном плане. Если же политика будет оставаться такой, какова она сейчас, то есть ориентированной на национальные интересы стран, то человеческая цивилизация не переживет XXI век.

Английский астроном Мартин Рис 10 лет назад опубликовал книгу "Our final century" («Наше последнее столетие»), в которой он оценивает наши шансы пережить XXI век — 50:50. Мы тогда давали такую же оценку, но во втором десятилетии XXI века, к сожалению, геополитическая система пошла вразнос. Все стало стремительно ухудшаться. Как психолог, я могу сказать, что весь мир поражает мощная психическая эпидемия, которой современный философ и политолог Петер Слотердаjk дал название «массовый комплекс катастрофофилии» — тоска по маленьким победоносным войнам, по острым событиям и переживаниям. Это хуже, чем лихорадка Эбола и все прочие инфекции, потому что психическая эпидемия гораздо хуже осознается. Если в ближайшие годы не удастся резко отрезвить политиков во всех уголках Земли — в России, Америке, на Ближнем Востоке и так далее, переключить их с патриотических лозунгов, которые по сути своей являются оборонческими, на глобальное космополитическое мировоззрение, на задачи сохранения мировой цивилизации, то, скорее всего, придется признать, что Мартин Рис отличался большим и неоправданным оптимизмом, как и мы 10 лет тому назад.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое. Сейчас я хочу предоставить слово господину Антону Беблеру.

А. БЕБЛЕР: — Я остановлюсь на одной из тем нашей дискуссии. В последние два года произошли четыре кризиса, так или иначе связанные с Украиной. Два из них разразились внутри Украины и два можно определить как межгосударственные конфликты. У каждого случая несколько аспектов, но я скажу только об одном аспекте конфликта между Украиной и Россией. Мы проявили себя с сильной стороны, когда был изменен статус Крыма и Севастополя. Евросоюз и другие страны обвиняли нас в том, что фактически мы совершили агрессию, нарушили Устав ООН, Хельсинкские соглашения и еще ряд других межгосударственных договоренностей. Факт изменения статуса Крыма называют по-разному. В документах НАТО он квалифицируется как агрессивное действие, украинское правительство — как агрессию и аннексию. А в Российской Федерации это описывается словом «воссоединение». Воссоединение с Российской Федерацией. Разница в терминах показывает, какое значение придается этому событию.

На крымскую тему, естественно, высказывались не только политики, но и представители СМИ. В частности, говорили, что акция Российской Федерации в отношении Крыма возвращает в европейские отно-

шения политику с позиции силы, что период мирного развития на континенте завершается восстановлением духа холодной войны, и это сделала Российская Федерация в форме возвращения такой политики. Но мы можем утверждать, что политика с позиции силы никогда не исчезала, в том числе и в Европе, и в действиях европейских государств за пределами континента. Не буду упоминать колониальные войны, которые велись когда-то. В последние годы были атаки со стороны Франции и Великобритании против Ливии и Египта, Великобритании против Ирака и т. д. Это были акты вооруженного наступления. А список примеров, когда использовалась политика силы со стороны США во всем мире, достаточно длинный, я не буду его воспроизводить. Но утверждение, что возвращение Крыма в Российскую Федерацию — это действие с позиции силы, лишено оснований. В Европе уже были соглашения, когда территории возвращались от одной страны к другой, были и войны, например в Словении. Проявления политики с позиции силы в Европе продолжают. К этому прибегало и украинское правительство, и власти Грузии.

Второе утверждение состоит в том, что воссоединение Крыма представляли первые носители изменения государственного статуса в Европе. Но в XX веке можно наблюдать два варианта изменения межгосударственных границ на континенте. Первый был осуществлен после Второй мировой войны, когда были передвинуты границы Италии и Австрии. Изменение по второму варианту произошло после окончания холодной войны: падение Берлинской стены, демократизация социалистического блока и распад Советского Союза. В то время четыре государства исчезли с карты Европы — Германская Демократическая Республика, Советский Союз, Федеративная социалистическая Республика Югославия и Чехословакия. Вместо этого появилось 29 государств, 23 из которых получили международное признание. Остальные по существу также являются европейскими государствами, но пока не получили всеобщего признания. Я насчитал более 40 переносов межгосударственных границ в Европе за этот период. И изменения границы между Россией и Украиной на Перекопе — только один из многих случаев.

Но первое насильственное изменение границ между государствами после Второй мировой войны совершили именно европейские страны, когда турецкая армия напала на Кипр, захватила часть его территории и основала Турецкую Республику Северного Кипра. Это государство существует до сих пор. Другое насильственное изменение границ и статуса целого государства случилось в самом центре Европы: ГДР фактически была аннексирована Федеративной Республикой Германии, западная граница ГДР исчезла и была установлена новая восточная граница ФРГ.

Можно провести параллель между воссоединением двух Германий и воссоединением Крыма с Россией. В обоих случаях мы имеем соглашение двух государств, обусловленное правом на самоопределение. Оба воссоединения реализовались без жертв, в соответствии со ст. 8 Хельсинкского акта и были поддержа-

ны большинством местного населения. Конечно, имеются и различия, но сейчас я говорю об общих особенностях.

В Европе есть прецедент, результатом которого стало появление независимого государства, но это было сделано насильственным образом. В 1999 году НАТО произвело атаку на Федеративную Республику Югославию. Конечно, крымский случай имеет определенные аналогии с косовским. И то и другое было нарушением территориальной целостности государств, отделением с применением силы, без разрешения Совета Безопасности ООН. Но в обоих случаях реализовывался принцип самоопределения в соответствии с Хельсинкскими соглашениями, и изменения были поддержаны большинством населения, что подтвердили референдумы. А главное различие между двумя этими событиями — отсутствие и наличие жертв. Если Крым воссоединился с Россией без кровопролития, то отделение Косово стоило нескольких тысяч жизней. Существенно и то, что воссоединение Крыма никому не причинило экономического ущерба.

Таким образом, когда мы говорим об изменении статуса Крыма, необходимо делать это в контексте сравнения с другими событиями, происходящими на европейском континенте.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо, господин Беблер. У меня только одна ремарка. Россия не находится в конфликте с Украиной, а помогает найти способ разрешения кризиса на юго-востоке страны. На Украине есть разные политические силы: с одной стороны, партии войны, с другой — те, кто хочет добиться мирного урегулирования. Думаю, что в ходе нашей дискуссии мы еще вернемся к этому вопросу.

Слово Елене Владимировне Харитоновой. Пожалуйста.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Поскольку я представляю Институт Африки, мне хотелось бы остаться в рамках проблематики, касающейся этого континента. В странах Африки мы видим концентрированное проявление тех теневых управленческих факторов, которые присутствуют и в других регионах мира. Среди участников Чтений такого же мнения, на мой взгляд, придерживается госпожа Нурхан эль-Шейх. По форме это, безусловно, конфликт. Но какой именно? Конфликт интересов? Или идеологическая война, которую отрицает господин Вятр? Или это отражение неких процессов глобализации, которые включают не только развитие коммуникационных и транспортных технологий, но и концентрацию средств управления и принятия решений в одном пункте?

То, что мы называем дефицитом лидерства, можно рассматривать как уровни управления, которые можно обнаружить на африканском континенте. Вот эти уровни. Первый — мировоззренческий, он может проявляться в виде воздействия СМИ, формирования идеологии, системы ценностных ориентиров. Это то, что господин Вятр, цитируя Буша, называет «борьбой за души человечества». Мы знаем, что эта борьба отражена во многих религиях. Второй уровень управле-

ния — финансово-экономический. Мы видим, как он во всей полноте реализован в виде санкций по отношению к России и российских контрсанкций. К этому же уровню относится деятельность Международного валютного фонда, различных некоммерческих организаций, которых становится все больше. НКО — это не что иное как способ финансирования и поддержки через гранты идеологически выстроенной деятельности, учебников и т. д. В странах Африки финансово-экономическое воздействие присутствует постоянно — в форме гуманитарной помощи и создания условий, которые порождают необходимость в такой помощи. Третий уровень — военный: в виде поставок оружия, специальных военных операций, которые проводятся на территории того или иного государства.

Примером попытки освободиться от финансово-экономического и мировоззренческого воздействия может служить Ливия, печальная судьба которой нам всем известна. Это разрушенное государство. Ливия, не будучи ядерной державой, попыталась выйти за пределы этих трех управленческих контуров, но попала под военное воздействие. Один из моментов был связан с тем, что Муаммар аль-Каддафи хотел выйти из-под влияния финансовой системы Запада с помощью эмиссии «золотого динара», гуманитарных проектов, в частности Великой рукотворной реки. Дело в том, что в недрах под Нубийской пустыней были обнаружены огромные запасы пресной воды, и при помощи израильских технологий проектировались и строились акведуки. Это должно было освободить Африку от финансово-экономической зависимости от Запада.

Фактически была сделана попытка объединения Африки — и в финансово-экономическом отношении, и в плане безопасности, и для решения социальных проблем, которые там существуют в очень острой форме. Все это было пресечено грубыми военными средствами. Тем не менее это была, безусловно, гибридная война, включавшая дискредитацию лидера, массу информационных посылов о диктаторском режиме, о нарушении прав человека. Все это дает нам представление о модели западного воздействия на регионы, которые входят в их сферу интересов. Я согласна с коллегой эль-Шейх, что гораздо больше, чем культурные и цивилизационные конфликты, сегодняшнюю действительность определяют конфликты интересов, даже если они представляются как борьба идеологий или даже межкультурный диалог. За этим всем надо искать экономические интересы, в частности стремление к владению энергоресурсами, и не столь важно, в какой форме они воплощаются.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо за выступление. Экономическая составляющая событий в Ливии не так широко известна, формальным обоснованием было массовое нарушение прав человека. Этот же тезис сейчас используется повсеместно, в том числе относительно Сирии и еще целого ряда стран с режимами, неугодными Западу.

Сейчас я предоставляю слово господину Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны был баланс сил в двухполярном мире, который удерживали две глобальные сверхдержавы. Разрушение этого баланса США объяснили преимуществом своей идеологии. Под этим же предлогом США претендуют на глобальное лидерство и используют это положение для того, чтобы легитимизировать свои действия в духе войны с позиции силы. В результате мы имеем полную дестабилизацию мирового порядка и военную интервенцию в нескольких странах, включая Ирак, Ливию и еще раньше — Балканы. Все это следствия политического вакуума. Некоторые из арабских политических движений в странах Среднего Востока добились успеха, но их идеология расходится с официальной либеральной идеологией западных стран. Это касается и моей страны — Австрии, и вообще большинства стран Европы. Наши идеологи полагают, что западная модель взаимоотношений между индивидом и обществом отличается от таковой в других цивилизациях. Индивидуализм, насаждаемый в США и Западной Европе, уже привел к тому, что мы построили «общество потребления». Главная идея — наслаждаться жизнью, не учитывая последствий. Поэтому мы не должны удивляться, что не все страны мира согласны на такую крайнюю форму индивидуализма.

Но мы высокомерны. Мы настаиваем на своем и рассылаем миссионеров, чтобы обучать и переобучать тех, кто имеет иные системы ценностей и по-другому видит взаимоотношения между индивидом и обществом.

В планетарном масштабе баланса сил больше нет. Сейчас мы находимся в процессе приближения к многополярному миру, но пока он однополярен. ООН в таких условиях не может нормально функционировать, потому что она была создана после Второй мировой войны как организация коллективной безопасности, в основе которой лежит принцип сдержек и противовесов без доминирования каких-либо сил. Сейчас эта система безопасности перестала действовать, и страны поступают так, как считают нужным для их национальных интересов, которые скрываются под личиной идеологической конкуренции.

Сегодня, в 2015 году, мы видим, что даже сильная страна должна получать одобрение от Совета Безопасности ООН, иначе ее действия будут интерпретированы в негативном ключе. Совет Безопасности с помощью права вето может предотвратить те или иные действия любого государства — члена ООН. Поэтому я считаю, что пока не будет достигнут реальный баланс сил в глобальном масштабе, ООН не сможет нормально работать. Еще важнее то, что такие государства, как Российская Федерация, Китай и другие растущие глобальные сверхдержавы, координируют свою политику и действуют совместно на международных форумах. В конце концов это приведет к новому балансу сил, и тогда ООН сможет функционировать лучше.

Несколько замечаний по поводу Украины. Еще в прошлом веке часть Украины входила в Австро-Венгерскую империю. А несколько месяцев назад премьер-министр Австрии выступил с предложени-

ем, чтобы Украина приняла нейтральный статус. Это означало бы, что ей не придется поступаться своими амбициями для того, чтобы присоединиться к какому-либо международному союзу или региональной организации. В связи с этим расскажу об опыте Австрии. После Первой мировой войны Тироль был отдан Италии. Но эта область населена не итальянцами, а тирольцами, которые говорят по-немецки. Это привело к длительному периоду напряженных отношений и даже гражданскому сопротивлению. В конце концов конфликт был разрешен с помощью соглашения между Австрией и Италией, в котором предусматривался статус полной и реальной автономии Тироля. Решением проблемы стала договоренность между двумя суверенными государствами.

Таким же образом можно рассматривать части восточной территории Украины, в которых сейчас сложилась конфликтная ситуация. Моя концепция Украины — государство, устроенное на федеративной, а не унитарной основе.

И последнее. Когда мы говорим о праве на самоопределение, то часто придерживаемся двойных стандартов. Я же считаю, что если на некой территории проживают люди, которые этнически отличаются от остального населения страны и имеют другие традиции, и большинство этих людей выступают за политическую самостоятельность, то в этой ситуации должен быть применен принцип самоопределения. Но это решение должно быть принято в рамках всего государства, а иначе принцип сохранения целостности территории теряет свою силу. Мы видели, как население Шотландии решало, следует ли им отделиться от Великобритании, в то время как жителей других регионов об этом не спрашивали.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю Вас, господин Кёхлер. Очень интересные соображения, особенно пример Тироля, показывающий, что подобные проблемы могут решаться мирным путем. Думаю, что в определенной степени это возможно и на Украине.

Что касается Организации Объединенных Наций, то я совершенно согласен с Вами: она зачастую не способна решить какие-то острые проблемы. Но еще господжа Тэтчер говорила о том, что ООН — это отражение всех наций, то есть нас с вами, поэтому мы можем требовать от этой организации только то, что сами привносим в нее. И еще хочется напомнить слова, сказанные в свое время вторым Генеральным секретарем ООН господином Хаммаршёльдом. Он сказал, что ООН создана не для того, чтобы человечество попало в рай, а для того, чтобы не скатилось в ад. С этой точки зрения организация все же выполняет свои задачи, хотя я совершенно согласен: ее необходимо реформировать, и сделать так, чтобы она более эффективно отвечала и сложившимся мировым реалиям, и тем вызовам, с которыми сталкивается человечество в настоящий момент.

Приглашаю на трибуну господина Шауката Азиза.

Ш. АЗИЗ: — Человечество столкнулось с различными вызовами — дипломатическими, экономически-

ми и т. д. Какой вклад мы можем внести в решение этих проблем?

Первое. Получилось так, что мы живем в однополярном мире, но большинство считает, что для устойчивого роста необходима многополярность. При этом мы надеемся, что переход к многополярному миру произойдет мирно, без крови и насилия. Как это сделать? в настоящий момент, когда группа наиболее сильных стран или даже одна страна решает за всех, мы не можем ничего изменить. Этот перекоз автоматически приводит к ослаблению Организации Объединенных Наций, что не позволяет эффективно противостоять развитию некоторых опасных конфликтов. Мы, будущи гражданами мира, должны это признать.

Второе. Мы наблюдаем очень тревожную тенденцию к росту экстремизма и терроризма, угрожающую людям во многих регионах мира. Террористические группы формируются по разным принципам. Нам нужно сфокусироваться на этой опасности и всем вместе заняться решением проблемы. Террористы приезжают непонятно откуда, совершают свои страшные действия и исчезают в неизвестном направлении. У них нет конкретного места обитания, что значительно усложняет их поиск. Надо, чтобы весь мир осознал эту опасность и оценил всю ее серьезность.

Третье. Думаю, что важно развивать партнерство между Россией и Китаем, поскольку это сотрудничество стало бы хорошим противовесом Западу. Если этого не будет, то достичь сбалансированного многополярного мира будет очень сложно. Поэтому я надеюсь, что Россия и Китай продолжат сотрудничество, расширят договор по газу (это был очень важный шаг). Это ключевой момент обеспечения безопасности и стабильности в мире.

Четвертое. В сегодняшней геополитике использование военной силы не достигает целей. Важны другие виды воздействия, поэтому мы должны стремиться к развитию нашего экономического потенциала. При сильной развитой экономике мы сможем успешно противостоять вызовам, в том числе и военным. Надо предпринимать усилия по всем направлениям.

И последнее. Разрешение конфликтов в условиях, когда Организация Объединенных Наций уже не так сильна, как раньше, становится трудным делом. Поэтому мы должны искать новые подходы и методы. Надо дать больше полномочий другим международным организациям, но и ООН нельзя сбрасывать со счетов. Крупные страны, такие как Россия, могут сыграть значительную роль в усилении ООН, наделении ее дополнительными возможностями и полномочиями, чтобы эта организация стала более эффективной. Сейчас Совет Безопасности часто принимает тенденциозные решения, что может привести не к преодолению проблем, а, напротив, к их умножению.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Следующий выступающий — господин Петр Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями. В последние месяцы все чаще приходится слышать обвинения в адрес Запада в при-

менении двойных стандартов относительно ситуации на Украине. К этим упрекам следует приглядеться более пристально. Думаю, что здесь неуместно говорить о двойных стандартах, поскольку такой подход становится нормой в международных отношениях, и мы должны это признать. Произошло изменение в правилах: переход от кодекса к конкретному случаю, к прецеденту. Мы все больше отклоняемся от права континентальной Европы к системе британского права, в котором каждый отдельный случай рассматривается как прецедент, основа для новой нормы.

Давайте посмотрим на украинский конфликт с точки зрения других случаев. Канада следует правилу, которое мы считаем важным: у стран должно быть право защищаться. Эта концепция определенным образом «встроена» в подход Совета Безопасности ООН. Думаю, в случае с Украиной можно утверждать, что в Крыму мог произойти кровавый конфликт, если бы Россия не вмешалась и не предотвратила его. Мое предложение заключается в том, что к понятию ответственности можно добавить право предотвращать разрастание конфликта, если оно назревает со всей очевидностью и его можно избежать более или менее мирными способами. Не надо ожидать, пока произойдут массовые нарушения прав человека, которые дадут безусловное основание для вмешательства. Признание права предотвращения конфликта, на мой взгляд, является таким элементом, который можно было бы задействовать как обоснование такого рода действий как правильных.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю вас, господин Дуткевич, за Ваш короткий, но емкий комментарий. Я бы дополнил Ваши тезисы: да, защищать надо, но надо также нести ответственность за то, как вы это делаете.

Предоставляю слово госпоже Нурхан эль-Шейх.

Н. эль-ШЕЙХ: — У меня есть некоторые вопросы, которые я хотела бы задать и по возможности услышать ответы от присутствующих здесь ученых. Какковы сегодня наиболее важные конфликты, которые влияют на стабильность в глобальном масштабе? Можем мы считать таковым украинский конфликт, является ли он гражданской войной? Например, на Среднем Востоке конфликты часто приводят к различным осложнениям. Сегодня напряженность в отношениях между Западом и Россией в большой степени зависит от ситуации на Украине, и этот конфликт невозможно разрешить без сотрудничества с Россией.

И второй вопрос: должны ли мы ждать, когда будет достигнут тот баланс сил, о котором сказал господин Кёхлер? Или надо сфокусироваться на том, о чем говорил господин Азиз, — на общих вызовах? Весь мир сталкивается с кризисами и терроризмом, так что, может, лучше сконцентрировать внимание на этих проблемах? Вероятно, это приведет к тому, что США изменят свою политику и станут более терпимы в отношении России. Какие имеются возможности, чтобы сделать соответствующие шаги в рамках ООН? Конечно, мы понимаем, что ООН не является центральным пун-

ктом принятия решений, имеются и другие центры. Насколько легко мы можем маневрировать, чтобы повлиять на Пентагон, на Конгресс США? Когда мы говорим об Украине, все сводится к тому, что это действующие лица. Еще один вопрос — насколько мы можем повлиять на изменение политики внутри Соединенных Штатов? Или мы вынуждены ждать, пока там в 2017 году сменится президент?

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое. Дмитрий Валентинович Мосяков, пожалуйста.

Д. В. МОСЯКОВ: — Спасибо огромное за возможность выступить на таком интересном форуме. Я хотел бы вернуться к проблемам, связанным с кризисом современной модели глобализации и с альтернативами этому кризису.

Как задумывалась глобализация? Каким вообще предполагался весь этот процесс? Многие западные авторы описывают его как нечто единое и однородное. С их точки зрения, глобализация есть процесс формирования либеральной политической модели и либеральной экономической модели, то есть развития частной экономики и массовой культуры на базе западных стандартов в тех странах, которые участвуют в глобализации.

Опыт стран Востока показывает, что этот вариант глобализации оказался нереализованным. Более того, там сейчас фактически реализуется совершенно иная модель. В первую очередь это можно сказать о политических процессах: либеральная модель практически нигде на Востоке не работает. Более того, если мы посмотрим, какие страны показали наивысшие темпы экономического роста (а это Китай, Вьетнам, Южная Корея, Сингапур), то обнаружим, что все это страны с авторитарными политическими режимами, которые в значительной степени контролируют ситуацию в обществе, отчетливо понимают цели, которых они хотят добиться, осознают свои национальные интересы и, в общем, достаточно последовательно развиваются по этому пути. В этих странах практически не ощущается даже намек на движение в сторону либеральной политической модели. Экономического прогресса в рамках процесса национального развития также достигли те страны, которые не шли по пути развития частной экономики.

Китай, Вьетнам, Южная Корея, Сингапур и другие быстро развивающиеся страны в значительной степени практикуют смешанную экономическую модель: с одной стороны, используется частный интерес, с другой — все ключевые компании находятся под контролем государства. Например в Южной Корее под руководством Пак Чон Хи рыночные реформы начались с того, что были закрыты все частные банки, прекращен вывоз капитала, приняты пятилетние планы, определены основные экономические направления, где государство будет прикладывать усилия для развития. То же самое можно сказать о Сингапуре в пору премьерства Ли Куан Ю. Те основные направления, в которых Сингапур достиг успеха, — в первую очередь тяжелая промышленность, нефтепереработка

и так далее — опять-таки находятся в руках государства. И сегодня именно государство в значительной степени регулирует экономические процессы.

Наконец, третий процесс — формирование массовой культуры, создание некоего социокультурного поля для глобализации. Здесь возникают трудности, потому что отдельные городские страты в странах Востока в значительной степени интегрируются в рамки этой культуры, в то время как подавляющее большинство населения остается крайне далеко от новых стандартов. Это глубокое внутреннее противоречие, подрывающее вектор модернизации в этих странах. Поэтому напрашивается вывод: кризис современного мира связан с тем, что сегодняшний вариант глобализации не устраивает страны Востока.

Доминирование Соединенных Штатов и развитие глобальной экономики в их интересах все больше оспаривается на Востоке. Однако все отчетливее видно, что современная модель не устраивает и Соединенные Штаты тоже. Проблема заключается в том, что в свое время в рамках процесса модернизации в значительной степени был обеспечен прямой контроль стран Запада над развитием стран Востока — через систему колоний и протекторатов, в условиях же глобализации отсутствует такой наднациональный орган, который контролировал бы процессы политического развития в странах Востока. Если процесс модернизации охватывал практически все сферы — от способа мышления до аграрного производства, то процесс глобализации связан с достаточно узкими социальными кругами. На Востоке можно увидеть, как рядом с суперсовременным заводом крестьянин обрабатывает землю традиционным плугом.

В связи с этим возникает вопрос: что дальше? Какая модель придет на смену нынешней, которая уже сейчас вызывает массу конфликтов? На мой взгляд, идея конвергенции была вполне обоснованно высказана вчера на пленарном заседании. Мирная перспектива развития в глобальном плане — это постепенная эволюция модели глобализации от варианта, в котором выигрывают преимущественно Соединенные Штаты и другие страны Запада, к более сбалансированной модели, которая учитывала бы и опыт, накопленный в странах Востока. Эти страны, с моей точки зрения, уже сейчас готовы предложить новые принципы будущей модели глобального мирового устройства.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо. Интересный взгляд через призму экономических отношений на межгосударственную систему. Действительно, новые экономические центры в развивающихся странах меняют соотношение сил в мире.

Сейчас выступает господин Ежи Вятр.

Е. Й. ВЯТР: — У меня два комментария на тему двойных стандартов, затронутую Петром Дуткевичем. Я согласен с высказанным здесь утверждением, что мораль в политике важна. Но, принимая это, мы действительно должны стремиться к тому, чтобы избегать двойных стандартов. Однако в западной прессе можно часто увидеть, как одни и те же люди приветствуют от-

деление Косово от Сербии и в то же время обвиняют Россию в присоединении Крыма. Либо мы осуждаем оба этих акта как неприемлемые, либо принимаем оба, иначе мораль заменяется идеологией и подменой понятий. Поэтому, когда я пишу о международной политике, то стараюсь избегать моральных оценок и представлять картину с точки зрения конфликта национальных интересов, поскольку это с большей вероятностью позволит найти подходы к преодолению конфликта и примирению сторон.

Вообще по поводу Крыма я согласен с комментарием Антона Беблера, но хотел бы дополнить его. Прежде всего о внутренней ситуации на полуострове. Известно, что русскоязычное население Крыма еще в 1990-х годах в основном стремилось к воссоединению с Россией, об этом, в частности, свидетельствуют региональные выборы, на которых побеждали пророссийские силы. Но Российская Федерация 20 лет ничего не предпринимала в этом направлении, а приняла ситуацию такой, какой она сложилась: Крым оказался в составе Украины, может быть, против воли большинства его населения.

Я проанализировал эту ситуацию. Россия поддерживала хорошие отношения с Украиной, это было важнее, чем удовлетворить пожелания местного населения в Крыму. Но все изменилось, когда рухнула власть Януковича. Конечно, мы должны признать, что украинское правительство было коррумпированным и вообще недостойным, но такая радикальная мера, как свержение, была неоправданной. В результате подняли голову националистические силы и полукриминальные группировки, именно это побудило Россию заявить, что после Майдана ситуация кардинально изменилась.

Ситуация действительно изменилась, это можно подтвердить конкретными данными. Тем не менее Запад приветствовал антироссийские силы, пришедшие к власти в Киеве. Чтобы понять это, мы должны вернуться к коллапсу американской гегемонии. После окончания холодной войны США долго доминировали в мире, имели достаточный потенциал, чтобы диктовать свою волю. С этой позиции они решали и косовский конфликт. В России в то время был период ослабления, хаоса и неуверенности, поэтому ее протесты не были услышаны. Затем была развязана война в Ираке. Блестящий стратег Збигнев Бжезинский тогда сказал, что администрация Буша совершила катастрофическую ошибку. В результате иракской войны гегемония США стала ослабевать. В то же время Россия восстановилась, опять заняла место среди сильных стран и стала оппонировать США. Этот фактор оказывает ключевое влияние, хотя считается, что Запад все еще является доминирующей силой. Тем не менее эта сила уже ставится под сомнение.

Киев хотел использовать доминирующее положение Запада. Понимание этого позволяет понять и действия России — радикальное изменение отношений с Украиной и решимость воссоединиться с Крымом. В основном это результат того, что после Майдана коренным образом изменился расклад сил. Не могу сказать, что я полностью это одобряю, но, будучи аналитиком, я пытаюсь понять причины и вижу эту связь.

Считаю, что в настоящее время есть возможность компромисса, но решение должно выйти за рамки локального конфликта. Частью этого компромисса должно стать принятие западными странами — Соединенными Штатами, Европейским Союзом — законного права Российской Федерации. Я имею в виду, что у России тоже есть национальные интересы, и они должны быть признаны всеми сторонами. Москва должна заявить об этом. Может быть, конгресс в Вене позволил бы окончательно договориться о мире и о том, как будет формироваться баланс сил в Европе, особенно в том, что касается отношений между крупными странами. Законные права всех стран необходимо уважать, тогда можно будет разрешить не только этот конфликт, но и более широкий круг вопросов.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Теперь я хотел бы предоставить слово господину Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я хотел бы продолжить дискуссию о напряженности, возникшей в международных отношениях. Что можно сделать, чтобы прекратился украинский конфликт? Германские эксперты тоже думают о том, какие возможности для этого есть, какой статус может получить Украина. Применим ли в этом случае боснийский вариант? Правда, в Боснии далеко не все складывается хорошо, но, возможно, на Украине создание такого рода автономии будет более удачным.

Что касается отделения Крыма, то оно, на мой взгляд, прошло достаточно благополучно. Тут надо учитывать все факторы. Если большинство населения поддержало этот процесс, то он вполне оправдан. В истории есть прецеденты, когда подобные вопросы решались с помощью плебисцита, например в Квебеке, Восточном Тиморе, других постколониальных образованиях. Результаты референдума в Косово не были признаны, несмотря на то что большинство проголосовало за независимость. То есть этот процесс отделения территории довольно сложный, и в данном случае, конечно, нужно учитывать интересы России. Референдум в таких случаях — лучшая технология, поскольку позволяет узнать общественное мнение, тем не менее это не универсальный, не единственный способ.

Отделение территорий рассматривается как угроза национальному суверенитету, поэтому правительства не склонны с этим мириться. Но если право на самоопределение существует, то надо разработать и соответствующие взаимоприемлемые правила его реализации. Сербия признала Черногорию, но когда Косово попыталось идти тем же путем, то получило отказ под предлогом того, что для такого отделения нет установленных правил. Если территории разделяются по взаимной договоренности, то это обычно происходит легко и быстро, как в случаях с Восточным Тимором, Южным Суданом и др. Но когда страны, участвующие в этом процессе, не могут прийти к согласию, то приходится прибегать к помощи других стран, международных организаций. Случай с Крымом как раз из этой категории конфликтных, в этой ситуации можно было бы руководствоваться правилами, в которых должны быть

прописаны все шаги по урегулированию. Поэтому такие правила необходимо разработать, чтобы не допускать подобных конфликтов в будущем.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Мое выступление будет отчасти репликой и продолжением той темы, которую затронула Елена Владимировна Харитонова. Я во многих отношениях согласен с ней, единственное, пожалуй, что хочется добавить: все-таки в рамках этой проблематики ни в коем случае нельзя недооценивать цивилизационные факторы. Потому что первый контур управления, о чем Вы говорите, — это, в общем-то, идеология прав человека, которая используется везде, и почему-то именно она выдвигается на первый план. Как раз эту проблематику я и хотел бы затронуть.

В основе современного варианта идеологии прав человека лежит Всеобщая декларация прав человека 1948 года. И те, кто анализировал текст этого документа, в частности американские ученые, констатировали, что это, несомненно, продукт в первую очередь западной цивилизационной политической правовой традиции. Участие представителей иных цивилизаций в ее создании было почти неощутимо и практически не наложило никакого отпечатка на текст Декларации. В частности, Глен Джонсон, профессор Вассарского колледжа, в юбилейном издании ЮНЕСКО писал, что подготовка Всеобщей декларации выявила значительные философские различия в понимании прав человека. Однако можно отметить, что вопросы, обсуждавшиеся в то время, и точки зрения, которые нашли отражение в окончательном варианте Декларации, касаются главным образом традиционной европейской философской проблематики.

Традиции в области естественного, позитивного, а также марксистского права прочно уходят корнями в эволюцию европейской философии права. Неевропейские философские правовые традиции, которые могли бы предложить иные или дополнительные условия в области прав человека, редко упоминались во время проходивших дебатов. Даже те члены комиссии по правам человека, которые, в общем, и формировали текст Декларации и представляли неевропейские страны, по большей части имели традиционную западную подготовку или получали ее в учреждениях, созданных представителями колониальных европейских держав в их собственных странах. Хотя иногда и были ссылки на идеи, относящиеся к неевропейским традициям, таким как конфуцианство или ислам, общая направленность на европейские традиции в подавляющем большинстве случаев господствовала в ходе обсуждения, которое предшествовало появлению Всеобщей декларации прав человека.

Итак, та интерпретация прав человека, которая дана во Всеобщей декларации, ограничена рамками определенной цивилизационной традиции. Может быть, просто дело в том, что Запад в лице своих мыслителей первым додумался до этих идей? Все-таки давайте будем последовательны. Если эти идеи действительно уни-

версальны, их трактовка просто не может быть ограничена рамками одной цивилизационной традиции. Это означало бы игнорирование реального многообразия мира людей. Абсолютизация западной традиции, о которой я говорю, вообще-то обусловлена и более глубокой причиной, связанной с общей установкой создателей текста Всеобщей декларации. Будучи вдохновлены идеей единства человечества, что, в общем-то, было вполне понятно в тех условиях, они вместе с тем явно недостаточно учитывали его многообразие. При таком подходе неизбежно появляется опасность отождествить универсальное начало в жизни людей с характерными чертами той цивилизации, которая доминирует на планете. Но факт такого доминирования отнюдь не превращает «западный» в синоним «универсального» нигде на планете. Главный, так сказать, недостаток этого универсального текста — это недооценка реального разнообразия человеческого мира.

В связи с этим, кстати говоря, оказалась слабо разработанной тема гарантий декларируемых прав, что вполне закономерно, поскольку эти гарантии по сути своей обусловлены в большей мере конкретной ситуацией тех или иных стран и регионов, то есть тем самым фактором многообразия. В связи со сложившимся тогда положением была ли потребность в дальнейшем развитии, расширении, углублении представлений о правах человека и, разумеется, о гарантиях этих прав в ходе взаимодействия различных цивилизационных традиций? Фактически уже тогда была поставлена и до сих пор продолжает оставаться на повестке дня задача реальной универсализации этих представлений в результате преодоления цивилизационной ограниченности при интерпретации концепции прав человека, которая была изложена во Всеобщей декларации. И, естественно, это возможно только в результате реального диалога основ цивилизационных традиций. В общем, задача суперсложная, но тем не менее более чем актуальная. Надо сказать, что если брать картину в целом, по ступеням эволюции, то здесь эта задача четко прослеживается. В документах ООН поставлен вопрос о значимости этой организации, особенно в деятельности ЮНЕСКО, что вполне закономерно, потому что культурные сферы более чувствительны к реалиям многообразия мира людей. Без признания его кардинальной значимости вообще любой разговор о культуре беспредметен.

Ну и, конечно, расширение состава ООН за счет новых государств в результате крушения колониальной системы сыграло свою роль. Тот же Глен Джонсон, о котором я упоминал, отмечал, что изменение большинства в ООН объясняется смещением приоритетов между Всеобщей декларацией, выступлениями, резолюциями и последующими декларациями в области прав человека. Смещение приоритетов в деятельности ООН и в рамках отдельных стран происходило и происходит по двум основным направлениям: это расширение и углубление социальных прав и акцентировка значимости экологической и культурной составляющих проблематики прав человека. Необходимо отметить, что тем не менее эта тенденция развивается очень медленно, и на пути расширения трак-

товки прав человека постоянно возникают какие-то препятствия.

В связи с этим напомним одно любопытное обстоятельство. Еще при голосовании по тексту Всеобщей декларации по ст. 23, утверждающей право на труд, которая в итоге была принята, одно государство проголосовало против. Этим государством, между прочим, были Соединенные Штаты Америки. И эта тенденция, так сказать, очень настороженного отношения к попыткам расширения социальных прав сохранилась, в том числе в Западной Европе. Есть такие документы, как Европейская социальная хартия (подписана в рамках Совета Европы в 1961 г., пересмотрена в 1996-м), Европейская хартия об основных социальных правах трудящихся (1989), которые напрямую касаются социальных прав. В отличие от Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) они, в общем, не были инкорпорированы в единую правовую систему ЕС. Кстати, Генри Маркович Резник в своем выступлении на пленарном заседании упомянул об этой Конвенции как о безусловном образце, которому обязательно нужно следовать во всем. Это, так сказать, идеальное воплощение идеологии прав человека.

В связи с этим хочу зачитать несколько статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для того, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни: «1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Статья 9. Свобода мысли, совести и религии: «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии... 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Статья 10. Свобода выражения мнения: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые

предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений...»

Статья 11. Свобода собраний и объединений: «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими... 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом...»

Вывод следующий: Конвенция о защите прав человека и основных свобод — это документ, который, в отличие от Всеобщей декларации прав человека, четко определяет условия, при которых эти права ограничиваются. Главный критерий, как видите, состоит в обеспечении безопасности соответствующего государства.

В заключение хотелось бы добавить, что концепция прав человека сейчас требует переосмысления в том контексте, о котором уже говорилось. И я предлагаю в реестр основных прав человека включить право на идентичность. Разумеется, это не универсальная отмычка; утверждение этого права в качестве одного из основных имеет смысл только в том случае, если рассматривается вместе с правами на жизнь и свободу. Но тем не менее что означает право на свободу? Свободный, сознательный выбор может сделать только тот человек, который имеет стержень в душе, осознает себя. А этим стержнем не может быть ничто другое, кроме той традиции, в рамках которой он сформировался.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я хотела бы добавить несколько слов. Мы здесь много говорим о том, что многие действия, в том числе и агрессивные, осуществляются под благородными лозунгами внедрения демократии и защиты прав человека. Ф. Фукуяма в своей книге говорил о том, что либеральные ценности и ценности демократии являются венцом, так сказать, человеческого творения в областях политики и общественной организации. Вместе с тем сейчас, например, существует такое понятие, как карго-культ. Я не знаю, слышал ли кто-нибудь об этом. Этот термин возник следующим образом: в годы Второй мировой войны американский самолет совершил вынужденную посадку на одном из островов Меланезии. И местные жители с большим удовольствием принимали подарки от американцев в виде сладких напитков, шоколадок и т. д. Потом летчики починили самолет и улетели, а успевшие привыкнуть к нему аборигены построили из тростника макет самолета и продолжали ему поклоняться.

Здесь уже многие упоминали о том, что демократия нуждается в некотором переосмыслении. Мы говорим и о современности, и об истории. Еще Аристотель в свое время говорил, что это хорошая форма правления до тех пор, пока не превращается в демагогию и словоблудие. Не будучи ярым противником демократии, а будучи человеком, принадлежащим к мировой цивилизации, я бы хотела сказать о том, что поклонение современной демократии определенным образом напоминает тот самый карго-культ. К тому, что го-

ворил Яков Георгиевич Шемякин, хочу добавить, что, действительно, постоянные нарушения и прав человека, и свободы слова, и свободы неприкосновенности частной жизни мы можем наблюдать в том числе в очень цивилизованных европейских странах. Думаю, всем известны эти факты. Например, гонения на Би-би-си в Англии после разоблачения иракской программы, когда были опубликованы данные о том, что в Ираке вовсе не было оружия массового поражения. Возможно, и на самом деле не было. То есть говорить, безоговорочно декларировать, что где-то свобода слова есть, а где-то ее нет, наверное, слишком смело и безальтернативно.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Для выступления приглашается господин Мишель Файетта.

М. ФАЙЕТТА: — Большое спасибо за предоставление слова, г-н ректор. Как представитель небольшой страны — Швейцарии, хочу внести свой посильный вклад. В самом начале карьеры меня, как молодого дипломата, направили в 1975 году в Тегеран, затем в Югославию. И эта дискуссия задела меня за живое, так как я не понаслышке знаком с реалиями этих стран. Такая маленькая страна, как Швейцария, находящаяся в центре Европы, конечно, зависит от своего непосредственного окружения, которое должно быть безопасным и предсказуемым. Мы не можем реально влиять на действия стран-соседей, не говоря уже о крупнейших державах мира. Стабильность данного окружения должна быть гарантирована сильными международными институтами, такими как ООН — для обеспечения мировой безопасности или ВТО — для регулирования мировой торговли. Такая организация, как ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), существует уже 40 лет. Тем не менее она не смогла предотвратить конфликты в Косово и Грузии, да и на Украине оказалась бессильна справиться с ситуацией. Поэтому все эти институты нуждаются в дополнительном укреплении.

Война, в особенности ядерная — это не вариант разрешения конфликта и никогда им не станет. «Большая двадцатка» (G20) и «Большая восьмерка» (G8) — это, конечно, эффективные институты, но эффективность не подразумевает легитимность, как сказал в своем выступлении Председатель Генеральной Ассамблеи ООН г-н Йозеф Дайс. То есть необходимо укрепление ООН. Это тот момент, на который Вы обратили внимание в своем докладе вчера, г-н председатель, и на который сделал особый акцент в своем выступлении я. Какие изменения возможны, а какие необходимы, это большой вопрос. Малые нации могут вносить свои предложения, но только при помощи больших наций эти предложения могут быть реализованы. Как только что сказал экс-премьер-министр Пакистана, нам нужны сильные лидеры, я могу только согласиться с этим. Мы должны быть уверены, что в этих странах не будут применяться двойные стандарты и что там отсутствуют скрытые подтексты, которыми эти страны будут руководствоваться в своих действиях. Возвращаясь к Швейцарии и ее соседям, хочу сказать в заключение,

что нейтралитет Швейцарии был официально утвержден на Венском конгрессе в 1815 году, и мы очень благодарны России в лице императора Александра I, который инициировал поддержку закрепления статуса нейтралитета со стороны крупнейших мировых держав. Федеративное устройство государства позволяет нам жить в мире как с собственным населением внутри страны, говорящем на трех различных языках, так и с нашими соседями.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется политологу из Италии господину Винченцо делла Сала.

В. делла САЛА: — Мои комментарии будут касаться выступлений А. Беблера, П. Дуткевича и некоторых других участников. Первое: будучи экспертом в сфере политики, я осторожно подхожу к использованию концепций, потому что мы используем их иногда не совсем так, как это необходимо для объяснения глобализации, суверенитета и т. д. Если говорить о глобализации, то это фрагментированный процесс, а не что-то такое единое и легко применяемое. Мы говорим также об однополярном, многополярном мире. Опять же не все так однозначно. Если нет четкого, продуманного плана, как изменить ситуацию к лучшему, а просто предпринимаются какие-то разрозненные попытки, тогда мы еще больше углубляемся в ситуацию, когда наши интересы не учитываются, и нам не удается достичь сбалансированного мира. То есть создается такое впечатление, что у нас получается оркестр, у которого нет дирижера, и это усложняет ситуацию. Кто-то сказал на пленарном заседании, что у нас дефицит лидерства. Так вот эта концепция, думаю, не позволяет таким лидерам появиться.

Второе: на пленарном заседании посол Мексики сказал, что мы не можем однобоко войти в глобализацию, потому что одно нам нравится, другое не нравится, то есть трудно опять загнать этого джинна в бутылку, поскольку никто, по сути, им не управляет из единого центра. А процесс развивается, и он включает целый ряд других процессов. И нет какого-то одного центра, и ни у одной страны нет возможности контролировать или предотвращать процесс глобализации, даже координировать его трудно. Если даже изменить к лучшему все эти учреждения и организации — «Большую двадцатку», международные организации, существующие на постоянной основе, и тому подобные, — этот процесс не остановить. Вопрос в том, как странам сохранять суверенитет? Джинн выбрался из бутылки, и процесс глобализации идет. Какую структуру мы в результате получим, что создадим? Мы должны по крайней мере постараться как-то управлять этим процессом, направлять его.

Третье: процесс глобализации будет связан с конфликтами до тех пор, пока будет существовать мир, состоящий из национальных государств, то есть реальный мир. Тем не менее у нас есть и какой-то идеалистический мир, есть группы людей, которые хотят, чтобы ситуация с защитой прав человека стала лучше, продвигают какие-то идеалистические лозунги, но все это довольно сложно применить на местах.

Несколько слов об Украине. Я считаю, что со стороны Европейского Союза было безответственно заявлять, что Украина сможет к нему присоединиться в ближайшее время. Такое заявление безответственно, потому что не учитывает внутреннюю политику Европейского Союза, у которого в настоящее время нет стремления к дальнейшему расширению, независимо от того, есть у Украины желание присоединиться или нет. Сейчас неподходящее время для расширения Союза, чтобы включить туда еще и Украину. Это заявление безответственно, потому что эта идея не может быть реализована. И еще: конфликт между Украиной и Россией касается Европейского Союза. Нужно учесть, что, скорее всего, США не настолько заинтересованы в более глубоком участии в судьбе Украины. Их уже не так интересует эта страна, этот конфликт, они просто встали на сторону Европы, поскольку сами не имеют конкретного решения. А Европейский Союз в свою очередь кивает на Америку, чтобы привлечь ее к решению конкретных конфликтов. Я считаю, нам нужно повзрослеть в этом отношении. Мы должны реально взглянуть на ситуацию и рассматривать ее как взрослых, мудрых людей.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Думаю, что если бы события на Украине пошли иным путем, страна бы, может быть, уже и была в Европейском Союзе, потому что тогда шли переговоры, как вы знаете, и все было возможно. Сейчас, конечно, ситуация совершенно другая. Слово предоставляется господину Резнику Генри Марковичу.

Г. М. РЕЗНИК: — Я зацепился за понятие конвергенции, которое было упомянуто здесь коллегой Дмитрием Валентиновичем Мосяковым. Как известно, в свое время о конвергенции писал наш великий соотечественник Андрей Дмитриевич Сахаров, размышляя о мире, интеллектуальной свободе и прогрессе. Говорить о конвергенции на экономическом уровне, как мне кажется, вообще малопродуктивно, потому что эти экономические модели из идеологической сферы ушли в область чистой технологии. Есть разные модели, которые меняются, и в демократических государствах, например, бывают периоды, когда принимаются решения, другой вопрос — разумные они или нет, и усиливается присутствие государства в экономике. Бывают такие ситуации, когда ставка делается на частный бизнес. И вообще я бы сказал, что, наверное, процесс, происходящий в последние несколько веков в экономической сфере, можно определить как конкурентное, скажем так, либеральной и социальной идей. Плохо то, когда одна идея полностью поглощает другую.

На пленарном заседании академик Богомолов сказал, что сейчас присутствие государства в экономике достаточно заметно, и проиллюстрировал это почему-то таким примером, что до 60 % налогов взимает государство. То есть, как мне кажется, это был аргумент, не совсем подтверждающий его тезис (с которым я в принципе согласен), потому что в данном случае речь идет о распределении, а не об участии в производстве. Бывало так, что государства в свое

время, как мы знаем, действительно к этому прибегали. Например, деятельность президента Рузвельта в Америке, или модель государственной корпорации в Южной Корее; собственно говоря, сейчас у нас такой этап. Все это, в общем-то, действительно определяется разумным выбором стратегии и, повторяю, выливается в то, что налоги могут уменьшаться или увеличиваться. О какой конвергенции здесь можно говорить? Вообще, как мне представляется, прямая задача каждого правительства состоит в том, чтобы создать такую ситуацию, чтобы богатые не воровали, а бедные добросовестно работали, и чтобы бедные не особенно завидовали богатым.

Теперь несколько слов относительно уже иной сферы — сферы культурной, ценностной. Возможна ли здесь конвергенция? Отвечаю — невозможна. Это не означает, что должно быть состояние войны между разными системами ценностей. Мы вчера с лордом Мойнихеном вспомнили о юбилее — в этом году исполняется 800 лет Великой хартии вольностей, которая была принята в 1215 году. И для Запада как понятия не географического а социального эти ценности — основа, на которой развивалось общество, это те ценности, за которые, как мне представляется, вообще можно пойти в бой и даже погибнуть. Я в своем докладе очень внимательно проанализировал то, о чем говорили до меня, и для этого не надо было зачитывать статьи Европейской конвенции.

Вы знаете, у англичан есть такая поговорка: «Для того чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». У меня есть одно преимущество, а может быть, это и недостаток по сравнению с присутствующими, потому что несколько сужает сферу моих рассуждений: я уже шесть лет в Европейском суде по правам человека читаю лекции по соблюдению ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод — это право на свободу выражения мнения. И в связи с этим какие акценты расставлены? Дело в том, что все нормы, которые записаны в Европейской конвенции, сформулированы в законодательствах и конституциях всех стран, которые входят в Совет Европы. Я уже обращал внимание, что эти нормы есть и в Конституции России, потому что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации.

В чем же дело? Почему с такими сложностями формировался Совет Европы и с таким трудом европейские страны шли под юрисдикцию Европейского суда? у всех есть публичные интересы: это интересы государственной безопасности, территориальной целостности, здоровья населения, общественной нравственности — все сформулировано. Но когда говорят о том, что публичные интересы и права человека — равноположенные, что это ценности одинаковые, что баланс состоит именно в равновесии — это неправильно с точки зрения как раз европейского права, потому что нормы о правах человека, что, кстати сказать, вытекает из международных пактов о гражданских и политических правах, это нормы-принципы. А публичные интересы, которые есть, и они не выдуманы и действительно очень важны для того, чтобы в обществе был

правопорядок, чтобы общество развивалось, являются ограничениями этих принципов. Здесь надо сделать очень важный акцент: эти интересы должны быть, как записано в нормах Европейской конвенции, не только предусмотрены законом в обязательном порядке, но и необходимы в демократическом обществе.

Европейский суд по правам человека, которому я ставлю твердую положительную оценку, показывает нам, каким образом должны приниматься решения в конкретных случаях. Абсолютно правильно коллега Дуткевич говорил о том, что вообще решение каждого вопроса в Европейском суде прецедентно, и это обязательно прецедент, который создает новые нормы. Европейский суд нам показывает, сколь сложная штука правосудие. Вы знаете, что по ст. 10 «Свобода выражения мнений» крайне редко решения суда принимаются консенсусно: 7:0 в палате — это редкость, чаще всего 5:2 и не единично 4:3, потому что сама эта материя исключительно сложная. И государства, которые входят в Совет Европы, сильно обижаются, когда какие-то решения выносятся таким образом: вообще законом было предусмотрено, но знаете, ребята, вы здесь увлеклись, нельзя так права человека ограничивать.

Вы знаете, кто лидер среди европейских стран, которым не нравится Европейский суд по правам человека? Какая страна сейчас акцентирует внимание на том, чтобы провести референдум и выйти из-под юрисдикции Европейского суда по той причине, что он, как выражается глава этой страны, устанавливает судебский империализм? Великобритания — вот та страна, 800 лет назад принявшая Хартию Иоанна Безземельного, юбилей которой мы в этом году должны отмечать. Магучка Россия тоже не отстает: когда Европейский суд отказывается признать политическую мотивацию в первом деле Ходорковского, мы ему рукоплещем, а когда он выносит решение о том, что нельзя так попирачить частную собственность, право миноритарных акционеров, мы, конечно, строим кислую мину.

Дело в том, что когда принимаются решения, попирающие права человека, решения о межгосударственных отношениях, все это касается национального интереса. Вообще надо задумываться, действительно ли решения, которые принимают люди во власти, соответствуют национальным интересам? у меня возникает совершенно обоснованное суждение о том, что речь идет не о национальных интересах, а об особенностях развития мысли в некоторых национальных властных головах. И поэтому могу только сказать о том, что не может западная цивилизация смириться с массовыми нарушениями прав человека, которые происходят в других странах, хотя они к ней не относятся. Но есть разные страны, например Китай, что с ним сделаешь? Поэтому события на площади Тяньаньмэнь проглотили, а геноцид, который был устроен в Югославии Милошевичем, — нет. И еще необходимо отметить, что мощный удар по международному праву нанесло вторжение в Ирак. Почему? Потому что в голове у конкретного президента Соединенных Штатов Америки то ли что-то замкнуло, то ли обида за папу всплыла — разные версии были предложены на этот счет. В общем, в основу этого вторжения в Ирак была положена ложь.

Повторяю, это был очень мощный удар по международному праву. Но все-таки лучше, когда во главе правительства стоят циничные прагматики, чем религиозные фанатики.

В заключение отмечу, что мне понравилось в наших обсуждениях: что мы не залезали глубоко в историю, не копались где-нибудь в античном мире и не вспоминали о каких-то древних походах. Почему? Потому что мне очень по душе фраза Норберта Винера: «Чем дальше вглубь, тем меньше вес». Мы должны рационально решать те проблемы, которые возникают, дискутировать. И, конечно, критикуя друг друга, мы должны не утверждать, что кто-то из нас лучше, кто-то хуже, а просто говорить, что мы другие, пока другие. Все-таки я думаю, свобода и достоинство личности получают признание во всех странах мира. Но пожить в эту пору прекрасную мне, разумеется, не удастся. Спасибо.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое, Генри Маркович, я во многом с Вами согласен и очень рад, что Вы привели пример Соединенного Королевства, потому что он действительно доказывает, что правосудие — это материя очень сложная и, как бы мы ни сопротивлялись, все-таки политизированная. И я согласен с тем, что сказал А. С. Запесоцкий в своем выступлении: да, и Европейский Суд, и Совет Европы — это все организации политизированные, и надо с этим смириться.

Г. М. РЕЗНИК: — Геннадий Михайлович, я могу сказать конкретно, по каким решениям Европейского суда возмущаются страны, входящие в Совет Европы. Иногда это напоминает даже детство какое-то. Поэтому когда обсуждаются спорные вопросы, к сожалению, очень часто представитель России вынужден принимать консенсусные решения по болезненным для нашей страны делам. Почему? Потому что суд этот независимый. И он должен быть таковым. Таких судов должно быть больше, и сейчас по примеру Европейского суда по правам человека, Совета Европы идет весь мир. Уже созданы Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов. И это очень актуально. Кстати, обсуждается вопрос создания исламского и азиатского судов по правам человека. Должны быть органы, в которые можно обратиться и обсудить свои интересы. Право и суд — это, как мне кажется, необходимые инструменты современного мира.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Позвольте высказать несколько слов по этой проблематике. Граждане России подаю много жалоб в Европейский суд по правам человека, в том числе частных, к нам постоянно приходят запросы, и мы на них отвечаем, согласовывая со всеми ведомствами, давая аргументацию и т. д. Я согласен с уже высказанным здесь мнением, что если мы взяли на себя обязательства по конвенциям и участию в определенных организациях, то обязаны их выполнять. Если мы не хотим этого делать, не нужно хлопать

дверью и говорить, что мы не будем их исполнять, необходимо делать это цивилизованным образом, например путем выхода из соглашения. Но до тех пор положения, уставы нужно соблюдать.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Генри Маркович свое выступление начал с заявления, что конвергенция в области ценностей невозможна, а закончил тем, что она необходима и будет осуществлена фактически (за счет принятия единой системы ценностей).

В теории систем действует закон иерархических компенсаций, который гласит, что рост совокупного разнообразия системы обеспечивается унификацией несущих подструктур. Для того чтобы система развивалась, должно ограничиваться разнообразие подструктур. Этот закон действует в физике, химии, лингвистике, социологии и т. д. Если не будет обеспечиваться доминирование общечеловеческих ценностей, прав, то может возникнуть следующая ситуация: мы строим государство, а рядом живет племя, например, апачей. Как и всем традиционным племенам, им необходимо периодически выходить на тропу войны. Либо мы его цивилизуем, адаптируем к нашей системе ценностей, либо должны будем расположить в резервации. Оптимальный сценарий сохранения цивилизации предполагает, что будут приняты основы, иначе взаимодействие будет конфликтным.

Г. М. РЕЗНИК: — Важный момент: в суд обращаются страны, которые признают его юрисдикцию. Это вопрос договора, если страны считают, что образован суд, которому они доверяют и где могут решить свои проблемы, они в него обращаются. Если не доверяют — нет.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — И вчера, и сегодня на наших Лихачевских чтениях звучит тема Украины. Рефреном проходит мысль, что это конфликт между Россией и Украиной. Давайте будем честны: это конфликт не между Россией и Украиной, а между интересами России, с одной стороны, и ЕС и США, с другой. Правда, я не очень понимаю, отчего эти интересы должны быть у США, находящихся от Украины за 12 тыс. километров. При этом вполне сознаю интересы России. Она — сосед Украины, в которой проживают 8 млн русских. Конфликт уже приобрел трагические формы. А ведь его могло и вовсе не быть. 21 февраля 2014 года Президент Украины В. Ф. Янукович при посредничестве европейских послов подписал акт о капитуляции и согласился провести досрочные выборы в октябре того же года. Если бы у наших младореволюционеров и их евроамериканских наставников хватило терпения дожидаться выборов, конфликта вообще не было бы. И Крым остался бы в составе Украины, и на Донбассе не было бы войны. Но ждать они не хотели, осуществили государственный переворот, что и сдвинуло последующий кризис.

Один из участников наших Чтений сказал, что задача больших стран — предотвращать конфликты. Думаю, было бы хорошо, если бы они не вмешивались и не «подогревали» их. Конфликт на Украине однозначно был «подогрет» американцами и европейцами. Всем памятно, как заместитель госсекретаря США г-жа Нуланд раздавала пирожки на Майдане и выступала с майданной трибуны. Кроме нее, на этой трибуне побывал еще добрый десяток евроамериканских «демократов», призывавших украинцев бороться за свою свободу. В результате из повиновения центральной власти вышла сначала Западная Украина, а после переворота уже и Юго-Восточная.

Первоначально юго-восток (русскоязычный в своей основе) выдвигал требования сохранения русского языка, большей экономической и территориальной самостоятельности. Желающих получить это в Киеве называли террористами, объявили антитеррористическую операцию и направили в этот регион войска. Кстати, случилось это после посещения Киева вице-президентом США Д. Байденом. Разумеется, это была трагическая ошибка нового руководства Украины. И стоила она многих тысяч жизней. Конфликт зашел слишком далеко, однако я убежден, что и сейчас еще есть шанс мирно договориться. Лидеры Донецка и Луганска заявляют, что не хотят отделяться от Украины, просят лишь федеральный статус для своих областей.

Ничего нереального, а тем более опасного в этом нет. Вся Европа организована на федеральных началах и живет неплохо. Почему же для Украины это неприемлемо? Думается, лидеры Донбасса сделали такие заявления не без подсказки России. Таким образом, Россия прошла свою часть пути. Теперь это же должны сделать страны НАТО и США. Было бы разумно с их стороны подсказать своим украинским подопечным, чтобы те вступили в прямой диалог с лидерами восставших регионов и настроились на мирное решение гражданского конфликта. Ведь невозможно достичь результата, если отказываться от прямых контактов. Я уверен, что только так можно избежать будущих жертв и сохранить мятежные регионы в составе Украины.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается господин Ахмад Иравани.

А. ИРАВАНИ: — Хочу начать свое выступление с ремарки относительно политики двойных стандартов, морали и нравственности. Исламские революции, которые я наблюдал, и другие революции во всем мире — это часть сущности власти. Если человек получает власть, он готов принести в жертву многое ради нее. Например, коммунистическая, социалистическая партии, исламское, демократическое правительства — как бы мы их ни называли — везде защищают свою власть. Так, в конфликте в Сирии принимают участие русские, американцы и другие, но цена — жизни сирийцев. Они говорят о своих национальных интересах. Здесь необходимо провести различие — анализируя внутренние проблемы отдельной страны, можно сделать вывод, что эти страны более демократиче-

ские и люди там получают больше возможностей для реализации своих прав. Но ситуация далека от идеала. В США чернокожее население до сих пор страдает, ситуация далека от идеала. В странах, в которых нарушается свобода слова и свобода вообще, у власти находятся диктаторы, которые играют в демократические игры, — там ситуация другая.

Сегодня, в век информатизации, наметились положительные тенденции: движение в сторону гражданского общества, созданы некоммерческие организации и много людей приезжают из-за границы, чтобы защитить право на выражение своего мнения. Многие страны не могут полностью воплотить это стремление к свободе, но страны, которые хотят ограничить доступ своих граждан к информации, уже не способны это сделать.

Г. М. ГАТИЛОВ: — К микрофону приглашается господин Александр Цинкер.

А. Б. ЦИНКЕР: — Я как депутат кнессета с 2000-х годов часто посещаю страны Европы по приглашениям министерств внутренних дел с целью анализа, как решаются вопросы интеграции больших групп населения из стран бывшего Советского Союза. Следует отметить, что чем дальше, тем проблемы самоизоляции все более усугубляются. Мы недавно наблюдали это во многих странах Европы, в частности во Франции.

Когда один из докладчиков говорил об интеграции в современном мире, следует отметить, что глобализация массовой культуры не реализуется. И чем дальше, тем ситуация только ухудшается.

Я возглавляю центр, который занимается изучением избирательных систем. Мы неоднократно посещали Украину начиная с «оранжевой революции» 2004 года. Постоянно ведется полемика, в том числе в Интернете. Я задавал вопрос, почему на Украине возникла проблема с русским языком — ведь там живет большое количество русскоговорящих людей. Мне ответили: «Представьте себе, если бы в Израиле говорили на арабском языке». Хочу заметить, что с момента образования государства в Израиле два государственных языка — арабский и иврит. Почему Украина, учитывая большое количество людей, говорящих на русском языке, боится этого?

Хочу обратиться к правоведам-юристам. Недавно в составе международной миссии наблюдателей (в которую в основном входили европейцы) я посетил Нагорный Карабах. В прессе много писали о непризнании результатов выборов. Но уже 24 года существует это территориальное образование, в котором живут люди. Есть две альтернативы: или бандитизм, когда непонятно кто руководит этой территорией, или выборы, в процессе которых выбирают власть (из всех наблюдений по СНГ самые прозрачные выборы прошли в Нагорном Карабахе). И если завтра минская группа или представители других организаций захотят решать проблемы, связанные с этой непризнанной республикой, по крайней мере есть с кем говорить, за властью стоит народ, который ее выбрал. Наша организация поехала туда

не признавать эту республику, а посмотреть, как технологически проходят выборы. Законы о выборах почти во всех странах одинаковые, они прекрасно написаны. В этой республике даже оппозиция не заявляла о фальсификациях, что, в общем, часто наблюдается в других странах СНГ. В Нагорном Карабахе нельзя решить вопрос, если руководитель (кстати, это уже шестые выборы, там действительно все проходит законно) не участвует в переговорах. Как можно решить проблему, когда нет представителя страны? Для правоведов это было бы интересно.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — То, что происходит, определяется сущностью стран и соображениями политической безопасности. Сегодня наступило время хаоса, когда мы ожидаем нового мирового порядка. Это не окончание холодной войны. Новый порядок устанавливается вследствие того, что возникают явления, которые несколько лет назад невозможно было предусмотреть, в частности это «арабская весна» и украинский синдром, финансово-экономический кризис в США.

России следует вспомнить меры, которые она предприняла в конце существования Советского Союза. Тогда ВВП России был в три раза больше, чем ВВП Китая, а сейчас ситуация обратная. Польская экономика теперь в три раза больше, чем экономика Украины (раньше Украина была в три раза более экономически сильной, чем Польша). Это наводит на определенные размышления.

Европейский Союз смотрит на Китай, на войну, Саудовскую Аравию, поддерживаемую США, и другие очаги нестабильности. И здесь мы не должны следовать за близорукими лидерами, которые определяют политику. Конфликт между Китаем и Тайванем не должен разжигаться, так как возможны санкции, ухудшение экономической и политической ситуации. Про Сомосу, диктатора Никарагуа, говорилось, что он может быть сыном дьявола или ведьмы. Но это наши ведьмы или дьявол. Этим негодьям в свое время покровительствовали сильные страны. С таким положением должно быть покончено, оно не должно приветствоваться США и Европой, которые борются за демократию.

Сейчас наступил период невозвратной глобализации. Глобализация предполагает, что мы взаимозависимы, взаимосвязаны и должны решать проблемы вместе в политике, культуре, экономике и т. д. Мы должны искать ответы на вопросы организации нового мирового порядка. С этой точки зрения необходимо рассматривать способы достижения положительного баланса между рынком и государственным вмешательством. Необходимо вывести эту проблему с национального на международный уровень, что гораздо труднее того, что мы делаем сейчас внутри Европы, и того, что мы делали во времена холодной войны.

Необходимо продумать проект, дизайн нового мирового порядка. Россия должна рассматриваться как важная сторона, которая вносит свой вклад в формирование модели нового мирового порядка. У России есть

и ресурсы, и военная сила, она остается членом Совета Безопасности ООН. Экономика России сейчас меньше, чем экономика Бразилии, соответственно меньше и ее вклад во всемирный ВВП. Тем не менее прагматизм должен занять место коррупции. Все дискуссии должны привести к созданию необходимых институтов и организаций, которые помогут выработать меры по выходу из кризиса.

Мы говорили о демократии, экономике в России и Польше. Сейчас мы размышляем о том, каким образом управлять модернизацией, демократизацией, в том числе в моей небольшой, но великой стране Польше. Мы добились определенного успеха, если сравнить ситуацию в Польше с ситуацией в Венгрии, на Украине или в России. Конечно, здесь может возникнуть много возможностей для манипуляций, обмана, наивно полагать, что все будет решено автоматически. Мы должны осознать, что такое экономика, основанная на знании и честности. Рыночная экономика должна быть включена в новый мировой порядок.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется лорду Колину Мойнихену.

К. Б. МОЙНИХЕН: — Прежде всего хочу затронуть тему двойных стандартов и национальных интересов. Двойной стандарт — это применение разных принципов в одинаковой ситуации. Люди все больше ставят под сомнение национальные интересы (данные Школы международных отношений). Политики во всем мире должны интерпретировать, более четко анонсировать цели, амбиции, которых они собираются достичь в области национальных интересов. Мы стараемся уйти от однополярного мира и перейти к многополярному. Реальность такова, что сейчас мы живем в другом мире, особенно если речь идет о социальных средствах воздействия и взаимодействия. Эти средства дали больше власти каждому индивиду. Политики должны учитывать это в своих действиях, кроме того, мы должны задействовать механизмы для более тесного взаимодействия в рамках международных отношений.

Несколько слов о международных отношениях и России. Должно быть больше моментов, которые нас объединяют, чем тех, что нас разделяют. Сейчас всех волнует проблема международного терроризма. Мы совместно с Россией должны продолжить борьбу с этим злом, что сделает наши отношения более важными. Кроме того, на повестке дня стоит вопрос о конфликтах в Сирии, Иране и других странах.

Арктический вопрос также очень важен в настоящее время. Нужно вычленив отдельные проблемы и решать их постепенно. В такой ситуации лучше искать общее, чем фокусироваться на различиях. Встречи в Сочи, которые состоялись на этой неделе, тоже будут способствовать прогрессу в поиске правильного решения. Мы живем в мире, в котором существует много проблем. Их невозможно решить единым способом, нужно учитывать разнообразие при поиске решений, используя диалог и сотрудничество. Все выиграют, если будут совместно подходить к решению проблем,

искать точки соприкосновения, чем фокусироваться на том, что нас разделяет.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается господин Мигель Моратинос.

М. А. МОРАТИНОС: — Я с интересом выслушал выступления и хочу сказать следующее в связи с Украиной и Европейским Союзом. Полностью согласен с итальянским коллегой делла Сала, который говорил об ответственности Европейского Союза в высказывании своего мнения. ЕС должен признать, что у него не было реальных намерений включить Украину в Европейский Союз. Это было ложное заявление. Но такая ситуация недопустима, потому что люди должны ответственно подходить к заявлениям подобного рода, особенно те, кто делают заявления от имени организаций, союзов, отражают мнения тех, кто принимает решения.

На Лихачевских чтениях была создана хорошая атмосфера, которая способствовала продуктивному обсуждению проблем, поднимались вопросы соблюдения прав человека и др. Мои опасения вызваны тем, что, несмотря на то что мы встречаемся каждый год, общая ситуация лишь ухудшается. Между Западом и исламским миром не удастся найти общих точек соприкосновения. Каждая конференция проводится в ситуации, которая становится все сложнее. Может быть, мы делаем что-то не так и должны сосредоточиться на решениях и предлагать конкретные меры, которые могут быть применены на Ближнем Востоке, помогут разрешить конфликт между Израилем и арабским миром. Необходимо прекратить дальнейшее развитие терроризма. Усилия западного мира и других участников диалога должны сфокусироваться, чтобы мы разрешили украинский кризис, ситуацию в Йемене, Ливии, Иране.

Такие отношения полностью изменят парадигму. Необходимо сосредоточить усилия на тех моментах, которые помогут улучшить ситуацию, преодолеть конфронтацию. Каждый раз, когда мы встречаемся (неважно где — в Европе, здесь, в Москве, Мадриде), мы констатируем усложнение ситуации. Наш коллега Азиз сказал, что даже если будут применяться военные средства, убит бен Ладен, потери будут восполнены, на их место придут другие, «Аль-Каида» продолжит расширяться. Как бы ни назывались подобные организации («Исламское государство» и др.), необходимо что-то более действенное, иначе мы не будем соответствовать тем устремлениям, идеям, которые продвигал Лихачев. К сожалению, пока не удастся достичь улучшения ситуации.

В частности, на Лихачевских чтениях было высказано предложение реформировать ООН. Этот процесс идет уже более 15 лет, но, к сожалению, кардинальных реформ так и не было проведено. Нужен новый многосторонний форум, который был бы посвящен вопросу перехода от однополярного к многополярному миру. Что конкретно нужно делать? Какие шаги будут ответственными? Мы не должны допустить, чтобы был открыт ящик Пандоры, что усугубит ситуацию, может привести к войне и т. д.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Хочу сказать несколько слов о Крыме. У меня много родственников в Севастополе, и начиная с 1950 года, уже более 60 лет, ежегодно посещаю город, в котором я учился. Мои друзья, капитаны первого ранга, отслужившие много лет, после объединения России и Крыма сказали: «Было принято гениальное решение. Мы волновались, когда на Майдане объявили и Рада утвердила, что русский язык исчезнет в Крыму и Севастополе и пора наводить порядок: полная украинизация и т. д.». Что произошло бы, показала Одесса 2 мая, когда были сожжены 48 человек. В Севастополе 80 % населения — русскоязычные, 10 % говорят на татарском языке, 20 тыс. составляют вооруженную группировку и Черноморский флот.

Сегодня говорили о Невском проспекте, назвали его проспектом стабильности и т. д. Но одновременно это проспект консерватизма и веры. Мало кто знает, что Невский проспект около десяти раз переименовывали. Первый раз до революции — Николаевский проспект в честь Николая I. Потом он назывался проспект 25 Октября, затем — проспект Революции. В 1948 году Ленсовет принял решение, что Невский проспект больше не будут переименовывать, потому что народ не воспринимает новые названия.

Тема секции — «Национальные модели жизненного устройства и международные конфликты». Естественная наука является мощной составляющей любого жизненного устройства. На заседании говорили о том, что Россия часто принимает нестандартные решения. Создание Академии наук было одним из таких решений. Петр I в неграмотной стране, где было всего два высших учебных заведения (и оба имели церковную направленность: Спасские школы в Москве и Киево-Могилянская академия), принял решение создать Академию наук. Царь 25 лет вынашивал эту идею, четыре раза встречался с Лейбницем, посетил Лондонское королевское общество (Royal Society), Германскую и Парижскую академии (Петр I был избран академиком Германской и Парижской академий наук). Он принял решение создать все сразу: и университет, и лицей, и академию одним указом. Но где взять кадры? Из Европы: Петр I пригласил 17 молодых зарубежных ученых, 13 академиков, 4 адъюнктов и объявил их Санкт-Петербургской академией наук. Потом началась война интересов, поскольку не избирали наших и т. д.

В самые сложные времена Академия наук продемонстрировала, что соблюдает устав, правила и принимает нестандартные решения. Кстати, это продемонстрировало и Лондонское королевское общество, которое в 1930-е годы вопреки всему избрало Капицу действительным членом (не почетным и иностранным). Пример показала Россия: в 1843 году Санкт-Петербургская академия наук избрала лорда Родерика Импи Мурчисона, действительного члена Лондонского королевского общества (который на основе исследований ископаемых на Урале пришел к выводу, что в истории Земли есть пермский геологический период; в 1945 г. Парижская академия наук утвердила это название), академиком. Как действительный член, он получал надбавку ординарного академика до конца жизни. В прошлом году были изданы его воспоминания о пребывании в России. Два года Родерик Импи Мурчисон вел полевые работы, встречался с геологами и простыми людьми. Он описал свой быт, мошкату, зиму, русский народ и пр. Три раза исследователь встречался с Николаем I, бесчисленное количество раз — с президентом Императорской академии наук Сергеем Семеновичем Уваровым.

Родерик Импи Мурчисон, в частности, пишет: «Посреди такого народа исчезает сама мысль о невозможностях и затруднениях. Стояла погода сухая или мокрая, знойная или холодная, никогда не было никакого ропота. И единственным ответом этих мужественных, простых, замечательных, прекрасных людей всегда было только одно слово — “можно”». Всего можно добиться и достичь, нужно лишь ставить благородные, высокие цели и иметь желание всего общества их достичь.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На этой позитивной ноте мы завершаем нашу секцию. Хочу поблагодарить всех участников (всего выступили 23 человека) за интересные сообщения. Наша дискуссия была открытой и откровенной и показала, что существуют различные мнения в области развития международных процессов и отношений между государствами. Есть проблемы, которые следует решать. Но в то же время есть и пути, на которые мы должны ориентироваться, и решения задач, которых можем добиться совместными усилиями. Особую благодарность, как человек государственный, хочу выразить академикам, научному сообществу, которое заинтересованно относится ко всему происходящему в мире и пытается со своей стороны помочь нам решать проблемы. До новых встреч!